

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДИНА

Р
У
Б
И
Н
А

Туман

ЭКСМО

Москва

2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 82

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Рубина, Дина.
Р 82 Туман / Дина Рубина. – Москва : Эксмо, 2015. – 240 с. –
(Дина Рубина. Собрание сочинений).

ISBN 978-5-699-76951-3

Когда расстрелянная девушка выбирается из братской могилы; когда в собственной семье ты обнаруживаешь историю оголенной страсти и преступления; когда расследование убийства в зимнем туманном городе открывает каббалистические глубины спора Света и Тьмы — тогда становится ясным, что всякая судьба достойна рассказа, если к ней обращены острый глаз и чуткий слух писателя.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-76951-3

© Д. Рубина, 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Цыганка

Вот, наконец я до-
рвалась.

Сейчас напишу об этой цыганке, о пра-
прабабке своей, о которой понятия не имела,
но однажды услышала краем уха о себе:
«Тс-сыганская кровь!» — отцом оброненное,
после очередного моего побега из школы.

Позже вытянула из матери — чуть не кле-
щами — куцую фамильную историю, да мать и
сама ее плохо знала.

Бабка же на мои домогательства неизмен-
но отвечала: «Что ты, мамэле, какая такая цы-
ганка?! — Хоть и сидела уже в инвалидном крес-
ле, кремень старуха была, характер адский и
голова ясная. Оберегала семейную чистокров-
ность. — Какая такая цыганка?!»

С детства я уже чувствовала *ее* — и пресловутую кровь, и саму эту тень за моим затылком.

Проявлялось *ее* вмешательство в мою жизнь не сразу, но убийственно надежно. Возможно, поэтому — так мне кажется сейчас, когда все более или менее прояснилось, — если обижали, я вела себя незлобиво, обиду принимала, то есть не отвечала на нее, на обиду, — будто знала, что *накажут и без меня*.

Наказывали страшно. Убедительно. Когда разрозненные события, пугающе повторяясь, стали выстраиваться в некий зловещий ряд — я оробела. Оробела той огромной смиренной робостью пред высшими силами, которые не приемлют ни заступничества за виноватых, ни мольбы о пощаде, а требуют лишь склоненной головы и немоты.

Потом уже, задним умом или, как говорила бабушка, задней памятью я вспоминала все переломанные руки-ноги своих дворовых и школьных обидчиков: тот мне пенделя отдал, другой уже сильнее побил, а этот из игры выгнал или денежку в школьном буфете отобрал, а вон тот гонял мою шапку по грязному асфальту вместо футбольного мяча...

Приходило *это* недели через две-три:

— Никольский?

— Здесь!

— Оганесян?

— Здесь!

— Рахматуллаева?

— Здесь!

— Сумашин?

Тишина...

— Сумашин здесь?

— Сумашин руку вчера сломал, Наталья Михална!

Я не злорадствовала — наоборот, внутренне ахала, обмирала... Страшной была моя тайна.

В пятом классе балбес-переросток Мишка Петруненко подстерег меня на велосипеде за школой, наехал сзади и, когда я свалилась в кусты мальвы, соскочил с седла, несколько раз больно ущипнул меня за грудь, которая и без того все время болела, и, визгливо хихикая, умчался в стрекотании спиц.

Я неделю не ходила в школу. Просто не ходила. Ноги в ту сторону не шли.

Через неделю Мишка разбился на велосипеде. Три месяца лежал в больнице, еле выка-

рабкался, но рука — преступная, правая! — так и не восстановила подвижность.

Поскольку бога не было — в те годы не было бога, — в детстве я молилась Д'Артаньяну, возлюбленному, совершенно уверенная, что он внимает мне с какого-нибудь облака, подкручивая мушкетерский ус.

— Д'Артаньяша, — молилась я, захлебываясь ужасом и слезами, — не надо больше, не надо! Это было не так уж больно, только стыдно, ничего, я уже не чувствую, и синяки прошли!

Понимала непомерность расплаты. И чувствовала, что мушкетер там — сошка легкомысленная. Чувствовала: наказывают не за копеечную боль и не за жгучий стыд. Наказывают за причиненное зло. Кто, кто, кто-о-о?! — вот что меня парализовало. Грозная тень за моим затылком — не хранителя, нет. Наказывателя обидчиков.

Самое же страшное пришло, когда со взрослением сменились обиды.

Помню первое жертвоприношение. Не нога, не рука... жизнь человека! Целиком, окончательно, страшно — и безжалостно связано со мной.

Он был толстым, обычным пожилым нацкадром. Сколько я их перевидала, за скольких написала степные кишлачные саги любви — смешно и тошно вспоминать. Но этот был первым. Возможно, человек и неплохой, но растленный советской властью до наглой нирваны. За него уже написали диплом и диссертацию, а теперь он хотел считаться и писателем на всякий случай, в подражание тогда еще здравствующему хозяину республики. Тот тоже писал книги. На востоке это бывает: сатрапы сочиняют поэмы...

Сосватал нас мой приятель, редактор издательства «Гафура Гуляма». И творец воодушевленно приволок дежурную повесть о семи печатных листах, о любви и борьбе за землю, политую слезами и потом дехкан (эти два мотива чаще, чем другие, кочевали рука об руку из одного произведения узбекской советской классики в другое).

До сих пор нацкадра обслуживали белые рабы мужского пола. Вероятно, при виде меня он решил, что на сей раз возделывание литературной плантации будет включать и кое-какую дополнительную мою повинность.

Я тоже была воодушевлена, но по другой причине. После долгого застоя в заработках на меня свалился приличный кусок честной халтуры. За такую пахоту обычный гонорар был — рублей пятьдесят за лист. Я ликовала, умножая пятьдесят на семь. На эти деньги я собиралась вывезти к морю трехлетнего сына. Всю зиму перед сном описывала ему волны, песочек, дельфинов, обещала заплыть далеко-далеко, только я да он у меня на спине.

Когда «перевод» был готов, мы встретились с заказчиком на станции метро, и с радостным облегчением я вручила ему толстую папку с готовой рукописью.

— Динкя-хон, — проговорил он, ласково на меня глядя, — ти Гагра морь любишь?

— Очень люблю. — Я вежливо улыбнулась, ожидая, когда он наконец нырнет ковшиком

ладони во внутренний карман пиджака, вытащит конверт и мы расстанемся к обоюдному удовольствию до следующего его «произведения». О любви. И о борьбе дехкан за землю.

— Я тебе к морь повезу... — мягко продолжал он, не сводя с меня уже по-хозяйски щупающего взгляда. — Поезд-билет куплю, койка санаторий плачу... Зачем тебе денга? Вместе со мной Гагра едишь...

С минуту я еще стояла, удерживая на губах беспомощную улыбку — не могла поверить, что *так* обидели. Затем повернулась и пошла... Сквозь пелену слез, помню, дороги не различала, и на выходе из метро споткнулась и разбила коленку о ступени.

Через две недели позвонил редактор и, сокрушенно сообщил, что «наш общий друг» утонул вчера в Гаграх. В первый же день отдыха. Представляешь? Заселился в номер, вышел на пляж, подтянул трусы, бодро побежал в воду... и назад не вернулся.

Я оледенела от ужаса. Дней пять бродила, как чумная. Оглядывалась, когда заходила в подъезд. Избегала смотреть на себя в зеркало...

Куда бежать? В милицию? И что там говорить?

Несколько дней спала, укрытая с головой одеялом, свернувшись, как эмбрион.

Но постепенно распрямилась...

Я решила сопротивляться. Как библейский Яков, *боролась во тьме*. Своеобразной была эта борьба: неделями я не выходила из дому, уклонялась от встреч с кем бы то ни было, дабы *не провоцировать*. Плакала ночами, уговаривала неизвестно кого... вела бесконечные диалоги черт его знает с кем. А когда все же оказывалась на улице, прошмыгивала мимо знакомых, опустив глаза. Теперь я знала, что чувствуют прокаженные.

В считанные месяцы я превратилась в законченного невротика и однажды не вынесла одиночества тайны и рассказала обо всем приятелю — поэту, алкашу, славному парню.

Дело происходило на террасе летнего кафе, одной из тех ташкентских забегаловок се-

редины семидесятых, где днем можно было недорого пообедать, а вечером отведать этих же блюд, но уже суточной свежести и по иным, более уважительным ценам.

Приятель был нетрезв, я мрачно оживлена, поскольку впервые за два месяца решилась выйти из дому. В зале гремела музыка ансамбля «Ялла», на столик то и дело наваливались терпявшие равновесие потные пары; наша общая подруга, актриса, праздновала свой третий удачный развод.

Пусть, подумала я, даже интересно — какотреагирует. В крайнем случае, скажу, что приснилось с бодуна.

Он выслушал спокойно, со вниманием, насколько можно было это внимание собрать после энной рюмки. Подлил еще вина себе и мне. Помолчал.

— Так ты присмотренная, — сказал он просто, — вот и все. Дело известное.

— Кому — известное? — напряженно спросила я, будто разговаривала с чиновником не-большого ранга, но все же из той, небесной канцелярии, и папка с моим личным делом стояла за его спиной в шкафу или где там их

хранят, эти папки... и ему стоило только руку протянуть, чтоб полистать и разобраться. И все уладить наконец, к чертовой матери! — Вообще, что это значит?

— А то и значит: присматривают за тобой.

— В смысле... оберегают?

— Да нет, старуха, кой там черт — оберегают! Наоборот. Через тебя учат... Понимаешь?

— Нет, не понимаю!

Я заволновалась. Даже разнервничалась.

— Ну вот смотри... Там, сверху-то... — Он опрокинул над своей рюмкой опустевшую бутылку и две-три секунды ее потряхивал, как верующий в надежде на чудо. — Ты представляешь, каково это — за каждым наблюдать? Это ж... рехнуться можно, сколько времени и сил, да сыт... сотрудников требуется... Тогда они...

— Кто они?! — закричала я сквозь гремячий шейк.

В те годы, как и сейчас, впрочем, я не имела четкого представления об иерархии высших сил — да и кто его имеет-то, сказать по совести, — но все же подозревала, что ни время, ни число... *сотрудников* большой проблемы там, наверху, не составляют.

— Какая разница. — Он икнул, отодвигая локтем чью-то назойливую задницу, что вращалась под музыку так, словно обладательница ее трудолюбиво вкручивала штопор в бутылку. — Ты спросила, я отвечаю. Мне лет двадцать назад этот ме... ханизм объясняла одна старая армянка... Она чудно гадала и с покойниками разговаривала, как мы с тобой сейчас. Так вот, она сказала: выбираются отдельные э-э-э... объекты. Вроде подсадной утки, извини... И уж за вами — строжайший глаз да гла-а-аз! Типа глазок в тюремной камере... Вам без конвоя даже по нужде не выйти. Но зато всем гадам, кто тебе подосрет, бошки-то потрывают, все-е-ем! Урок такой, понимаешь? «Анатомия доктора Тюльпа»! — Он расхохотался своей остроте и, уже тускнея глазами, добавил: — Мастер-класс потусторонних сил...

Неплохая перспектива, уныло подумала я, — всю жизнь быть учебным пособием для злодеев. Да нет, что за чепуха! Мало ли что несет этот алкоголик!

Но разговор запомнила дословно, тем более, что впоследствии правота моего нетрезвого собеседника подтверждалась с регулярнос-